

Борис ДЕМЕНТЕЕВ

ОХОТНИК ЗА ИСТРЕБИТЕЛЯМИ

НА «АЗРОКОБРЕ»
ПРОТИВ АСОВ
ЛЮФТВАФФЕ

Борис Степанович Дементеев

Охотник за истребителями.

На «Аэрокобре» против асов Люфтваффе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3744365

*Охотник за истребителями. На «Аэрокобре» против асов Люфтваффе / Борис Дементеев: Яуза, Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56499-6*

Аннотация

В ходе Великой Отечественной войны сложилась своеобразная «специализация» истребительных полков, воевавших на разных машинах, – «яки» в основном использовались для прикрытия собственной ударной авиации, «лавочкины» чаще применялись для «зачистки» неба от самолетов противника, а лендлизовские «Аэрокобры» [i](Bell P-39 Aircobra)[/i] стали охотниками за истребителями Люфтваффе. «Сталинские соколы» любили «кобру» за феноменальную живучесть (на фронте ее прозвали «несгораемым сейфом»), надежную связь и мощнейшее вооружение – единственного попадания ее 37-мм авиапушки хватало, чтобы гарантированно «завалить» любой вражеский истребитель. Одним из таких «небесных охотников», специализировавшихся на отстреле «экспертов» Люфтваффе,

был автор этой книги, достойной войти в «золотой фонд» литературы о Великой Отечественной войне, рядом с мемуарами самых прославленных советских асов – Покрышкина, Кожедуба, Речкалова, Евстигнеева.

Содержание

Кавказ моего детства	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Борис Степанович
Дементеев**

**Охотник за истребителями.
На «Аэрокобре» против
асов Люфтваффе**

Кавказ моего детства

Жизнь моя началась в Чечне, в Старопромысловском районе города Грозного, где я родился 24 мая 1922 года.

*Заместитель командира 2-й эскадрильи 101-го Гв. ИАП
Борис Степанович Дементев*

Хочу немного рассказать об истории родного города. В 1818 году на реке Сунжа была построена крепость Грозная, которая в 1870 году была переименована в уездный город Грозный. Город полностью утратил военное значение, но в 1893 году на Старых Промыслах впервые была пробита скважина глубиной 135 метров, из которой ударил нефтяной

фонтан. Начались интенсивные разработки добычи нефти в Грозненском нефтяном районе. До Октябрьской революции 1917 года более 80 % грозненских нефтеразработок было в ведении иностранных предпринимателей. Со временем мировое потребление нефти возрастало, и город Грозный все больше обрастал районами по добыче нефти.

Старопромысловский район расположен от города на запад по Грозненскому хребту и тянется на 20 километров. Центром Старопромыслового района был 36-й участок, где находились административные учреждения. Сюда из города от станции Грознефтяная была проложена до станции Заградино железная дорога. От станции Заградино поезд с одним вагончиком следовал еще около 4 километров до станции Рихтер. В этот дальний район доставлялось оборудование для буровых вышек, в этом же районе находился элеватор. Вначале поезд, бывший основным общественным транспортом, ходил два раза в сутки, вечером и утром. С 1930 года поезд стал ходить чаще и состоял уже из 4–6 пассажирских вагончиков и одного-двух товарных, в которых перевозились различные грузы. Была и шоссейная дорога, но она проходила по отдаленным участкам до станции Катаяма¹ вдоль железной дороги, выходила на 36-й участок и да-

---

¹ Рабочий поселок в Грозном и одноименная железнодорожная станция, названные в честь Сэна Катаямы (1859–1933) – деятеля Коминтерна и одного из лидеров коммунистической партии Японии. Среди жителей Грозного до сих пор используется разговорная форма – «жить на Катаяме», «поехать на Катаяму» (здесь и далее примечания редактора).

лее сворачивала в горную местность. Старопромысловский район весь состоял из отдельных участков по добыче нефти, которые располагались на разных расстояниях друг от друга и в большинстве своем не имели названий, а только номера. В некоторых местах участки сливались вместе и разделялись только каким-либо рвом или отопительной трубой, идущей от кочегарки. На участках строилось жилье, были мелкие мастерские по ремонту оборудования, кое-где строились более крупные городки.

Если ехать из города на запад, то слева в те времена в холмистой и горной местности располагались участки по добыче нефти, а справа на равнине находились электростанция, кирпичный завод, больница, элеватор, в районе 36-го участка стадион «Нефтяник»; недалеко располагался Васильевский хутор, в котором жили терские казаки. Этот хутор позднее был переименован в колхоз Первомайский.

Городок Иванова, названный в честь грозненского революционера², был построен примерно в 1925 году и располагался слева от железной дороги в холмистой местности. Это была вторая остановка от станции Грознефтяная. В отличие от других участков, городок был обустроен архитектурно красиво. Было построено 50 двухэтажных четырехквартирных домов, квартиры были двух- и трехкомнатные. В основ-

---

² Иванов Василий Варфоломеевич в 1906 г. возглавлял забастовочный комитет грозненских рабочих-нефтяников, сумевший добиться от промышленников существенных улучшений условий труда. В 1919 г. арестован занявшими город войсками Деникина и повешен.

ном в каждой квартире жило по две семьи. Городок располагался полукругом. В центре полукруга останавливался поезд, там же располагался скверик. Это место в простонародье называлось «пяточком». На «пяточок» сходились пять улиц. В районе «пяточка» улицы были асфальтированы, остальные были вымощены кирпичом, уложенным «елочкой». Окружная улица городка была вымощена булыжником. Вдоль улиц были посажены деревья, в основном акации, которые в период цветения придавали улицам красивый вид и благоухали приятным ароматом. Весной и осенью производилась уборка улиц, разбивались клумбы, на которых высаживались цветы. Особенно хороши были ночные фиалки, приятный запах которых в вечернее время распространялся на большие расстояния. За городком на возвышенности было общежитие для рабочих, там же были столовая и кочегарка для отопления городка. На западной окраине городка были баня, школа, клуб и кооперативный магазин, в котором продавались продукты питания. Клуб с летней сценой и кооператив были деревянные одноэтажные.

Просторная одноэтажная школа была из кирпича. Посередине был большой зал со сценой, в полуподвале за сценой были столярная и слесарная мастерские, в которых детей с четвертого класса обучали труду. Занятия в школе велись по пятидневке, с двумя выходными. Позже перешли на полную учебную неделю. По сторонам от зала располагались классы, шесть больших комнат; здесь же, в школе, размеща-

лись квартиры для учителей. Туалеты и умывальники были во дворе.

Поначалу в городке плиты для приготовления пищи отапливались дровами, а в 1928 году городок газифицировали. Не во всех квартирах и домах были кухни, поэтому в некоторых местах возле домов строились кухни общественные. Они представляли собой одноэтажные кирпичные домики, где находились большие плиты, которые нагревались газовыми горелками. Там же были столики, каждый из которых облюбовала для себя какая-то хозяйка. Общественные кухни практиковались на многих участках района. Они были главным местом общения домохозяек, которые делились друг с другом всеми новостями и сплетнями, стараясь показать свою осведомленность по всем вопросам. Бывали на кухнях и скандалы. Многие семьи переселились в город из казачьих станиц Терека и сохранили свои обычаи. Казачка, если хочет показать свое пренебрежение к противнице, показывает ей голый зад до тех пор, пока та не ретируется. Бывало, приходят два соседа домой на обед, а обеда нет. Заходят на кухню, а их любимые женушки стоят друг против друга с голыми задками, и никто не сдаётся. Приходилось мужьям применять ремни. Около домов для каждой квартиры были построены кладовые с погребками, которые предназначались для хранения дров и продуктов. Впоследствии необходимость в них отпала. За железной дорогой, на равнинной местности, были катухи – сарайчики для содержания коров, поросят, кур и

другой живности. Охранялись они сторожем-чеченцем, который жил со своей семьей в землянке.

Отец мой, Степан Михайлович Дементеев, родился в станице Калиновской в семье терских казаков. В детстве он не смог закончить и двух классов сельской школы, надо было работать по хозяйству. В Гражданскую войну терское казачество раскололось на два лагеря, кто-то пошел воевать за царя, а кто-то встал за советскую власть. Дедушка Михайло воевал в армии Деникина, и где-то на Украине его зарубили махновцы, которые в то время били и белых и красных. Отец же восемнадцатилетним юношей стал на защиту советской власти на Северном Кавказе. Много оружия, военных советников, финансов посылали в то время иностранные государства в Баку и Грозный для того, чтобы задавить советскую власть, и главной их целью была нефть.

Борьбу за советскую власть на Северном Кавказе хорошо описывает в своей книге «Борьба сунженских казаков за советскую власть» бывший командующий Сунженской Красной Армии А.З. Дьяков, повествуют о ней сборник исторических очерков и воспоминаний «Стодневные бои в Грозном», писатель Михаил Лукин в своем романе «Грозненский фронт».

Как и по всей России в то время, бедные пошли против богатых. А кто такие «бедные» и кто такие «богатые»? В каждом человеческом обществе, независимо от национальности, находятся люди, которые неспособны организовать

процветающее хозяйство, но хотят жить хорошо. Они всеми возможными способами, обманами и мошенничеством, грабят людей, производящих материальные блага, пробираются к власти, проводят удобные для себя законы и приобретают «законное» право грабежа в больших масштабах. Трудовой класс всех национальностей Северного Кавказа поднялся против грабительских правителей, против самозванного правителя Северного Кавказа Бичерахова³. Грозненская Красная Армия, Пролетарский батальон рабочих Старопромысловского района, чеченская Красная Армия Шерипова⁴, отряды Красной Армии Ингушетии, Осетии, сунженского и терского казачеств под руководством Николая Гикало⁵, плохо вооруженные и плохо одетые, одержали победу. Они по-

---

³ Бичерахов Георгий Федорович (1878–1920), глава Терского казачье-крестьянского совета, а затем Временного народного правительства Терского края, организатор выступления казаков Терека против советской власти в 1918 г. В ноябре 1918 г., после поражения восстания, бежал в Дагестан. В 1920 г. арестован большевиками в Баку и расстрелян.

⁴ Шерипов Асланбек Джемалдинович (1897–1919), один из руководителей борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, с июля 1918 г. организатор и командующий чеченской Красной Армии. Убит в бою с денikinцами 11.09.1919.

⁵ Гикало Николай Федорович (1897–1938), в 1918 г. председатель Грозненского горкома РКП (б), командующий советскими вооруженными силами в Грозном, руководил ими во время «стодневных боев» с белоказаками в августе – ноябре 1918 г. В 1919–1920 гг. возглавлял вооруженную борьбу с войсками Деникина на территории Терской области и Дагестана. Был арестован в октябре 1937 г. и 25 апреля 1938 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР был приговорен к высшей мере наказания. Посмертно реабилитирован в 1955 г.

бедили благодаря своим идеям и ясной, понятной простому народу программе большевиков.

Кончилась Гражданская война. Необходимо было срочно восстанавливать разрушенное нефтедобывающее хозяйство, поднимающейся из разрухи стране нужна была нефть. Многие терские казаки стали переселяться, перевалив Терский хребет, ближе к городу Грозный. В нескольких километрах от 36-го участка на равнине разрастался Васильевский хутор, где жили многие родственники и знакомые моего отца. Отец остался на Старых Промыслах рабочим-бурильщиком. Не хватало образованных специалистов, и отец стал учиться в вечернем техникуме. Помню, как он вечерами и ночью учил непонятные для меня синусы и косинусы, много делал чертежных работ и изучал какой-то иностранный язык. Когда я поинтересовался, что это за язык, отец объяснил мне, что это единый международный язык эсперанто. Всю свою жизнь отец посвятил бурению скважин до нефтяных пластов, которые залегали от малых глубин – 150–300 метров – до глубин 3000 метров и более.

Детство свое до определенного момента я помню отдельными отрывками, но почему-то хорошо запомнился момент, с которого я стал себя осознавать как человека. Мы жили в городке Иванова в квартире на втором этаже, было мне года четыре. Мама занималась стиркой, одновременно готовила обед, и ей надо было принести воды. Водопроводная колонка находилась во дворе, мама взяла ведро и пошла принести

воды. Не помню, по какой причине я расплакался, наверное, не хотел, чтобы мама меня оставляла одного. Мама меня уговаривала, но я еще больше орал, сидя на верхней ступеньке спускавшейся вниз лестницы. Мама сердито сказала: «Ну и ори!» – и пошла вниз. Звякнуло ведро, хлопнула наружная дверь. Прекрасно помню, как что-то стукнуло в голову: «А чего я ору? Мама пошла принести воды, сейчас она придет. Она готовит обед, стирает, а я ей мешаю, вместо того, чтобы как-то помочь». Мне стало очень стыдно за свои крики, за свое поведение, я как-то сразу прозрел. Наверное, у каждого ребенка наступает в жизни такой момент, и его нельзя упускать родителям. Человек в этом возрасте, что тесто – что сделаешь, то и получится, а когда затвердеет, запечется, то переделывать его уже трудно.

У нас одно время жил мамин младший брат Шура. Он учился в третьем или четвертом классе, иногда меня брал в школу. Учительница разрешала мне присутствовать на уроках, но с условием, чтобы я сидел тихо и не мешал другим. Меня интересовало – как это люди читают, считают? Видимо, трудное это дело? Как бы освоить это самому, смогу ли я это освоить? Однако через некоторое время я начал понимать цифры и буквы, но особенно большую гордость я испытал, когда стал, пусть и по буквам, но читать слова.

В школу я пошел учиться с большим желанием, но ожидания мои не оправдались. Сентябрь месяц, за окном солнечная погода, а учительница заставляет писать в тетрадках па-

лочки, на больших классных счетах откладывая костяшки по одной... Это было явно не по мне, я уже мог считать и писать! Примерно через неделю занятий решил я больше в школу не ходить, пока остальные не подравняются со мной в знаниях. Ушел с уроков домой, чтобы заняться чем-нибудь другим. Но как отнесется к этому мама? Что ей сказать в оправдание? Ладно, что-нибудь придумаю. В этот момент мне почему-то стало грустно. Пришел домой и, не поднимаясь на второй этаж, снизу кричу:

– Мама, в школу я больше не пойду!

– Что случилось, сын, почему не пойдешь?

– Да я... Там мальчишки дерутся...

Стою, думаю, что еще сказать, и тут слышу ласковый мамин голос: «Хорошо, сынок, я сейчас!» Ну, думаю, что-то тут неладно. Смотрю в промежуток между перилами лестницы, и точно – мама спускается вниз, а в руках у нее солдатский ремень. Будет лупить, надо бежать! Выбежал во двор и забежал за угол дома. Выглядываю и вижу, что мама вышла, увидела меня и идет за мной, ремень по-прежнему в руках. Я побежал в направлении школы и спрятался за соседний дом. Я думал, что мама вернется домой, ведь дома остался младший братишка Вячеслав (все звали его Владиком), а я пойду в школу, но мама меня преследовала до самого крыльца. Я с большим усилием открыл массивную дверь школы, зашел в центральный зал и спрятался под лестницей, ведущей на балкон. Здесь была рядом дверь в наш класс, в котором

шел урок. Услышав, что мама заходит и в школу, я из-под лестницы шмыгнул в свой класс, думая, что мама не знает, в какой он комнате. Удивленная учительница разрешила мне сесть за свою парту, и тут в класс зашла мама. Учительница еще больше удивилась, но разрешила и маме сесть за свободную парту. Я не заметил у мамы в руках ремня, так быстро она свернула его и спрятала. Раздался звонок на перемену, я быстренько шмыгнул в зал и издали стал наблюдать, как моя мама разговаривает с учительницей. После короткого разговора мама ушла домой, а учительница в начале очередного урока на меня как-то лукаво смотрела. Придя домой, я не услышал от мамы ни одного слова о школе. Больше желания пропускать уроки у меня не было. Впоследствии, вспоминая этот случай, я не раз думал, что было бы со мной, не поступи мама так решительно и в то же время тактично? Ведь я был «вундеркинд», способный, энергичный, и куда-то эту энергию надо было девать. А ведь вокруг было так много всевозможных жуликов, картежников...

Моя мать Матрена Кирилловна Дементеева, в девичестве Толкачева, родилась в 1901 году и была старшим ребенком в семье Толкачевых. У ее отца, моего дедушки Кирилла, семья была большая. Деда Кирилла, его близких родственников и некоторых друзей еще до Октябрьской революции за бунтарство выслали на Кавказ из-под Могилева, из Белоруссии. Многие осели в Грозном, многие в Дагестане, все приобрели разные специальности. Дедушка Кирилл был мастером по

кирпичным делам, делал из глины всякие изделия. Вначале поселился на кирпичном заводе Старых Промыслов, а потом на кирпичном заводе города Грозного, где на окраине приобрел свой дом. Дядя моей мамы поселился под городом Хасавюрт, его семья занималась сельским хозяйством.

Мать моя с детства служила няней, служанкой у одного высокопоставленного чиновника. Учиться было некогда, она была совсем неграмотная. Сейчас это звучит дико. Мама и многие родители моих сверстников ходили вечерами в школу учиться грамоте, или, как говорили тогда, посещали «ликбез» (ликвидация безграмотности).

Когда я пошел в школу, отец уже работал бригадиром на новой буровой шахте в Соленой балке, километрах в полутора от нашего дома. Как-то отец взял меня с собой на эту буровую. Для меня было большой радостью посмотреть, как и где работает мой папа. Он стоял за какими-то рычагами, а сверху в землю опускался толстый стальной трос. К этому тросу был прикреплен рычаг, за конец которого держался рабочий и водил его по кругу то в одну сторону, то в другую, этим вращая трос. Трос качался вверх и вниз, это было ударное бурение. На конце троса был прикреплен буровой снаряд, который разбивал грунт, и потом этот грунт черпалкой вытаскивали из скважины. Процесс бурения был медленный. Я пошел осматривать окружающие машины и в одном месте упал на какие-то трубы. Все перепугались, хотя обошлось все благополучно. Оказывается, по этим трубам

шел пар высокого давления от кочегарки и приводил в движение паровую машину, которая вращала агрегаты буровой. Скважину бурили долго, ее глубина была около 350 метров, но при введении в строй она дала нефть фонтаном до 500 кубометров в сутки и работала так несколько лет. Буровая бригада была награждена большой премией, на которую приобрели звуковую установку кино в клуб имени Пролетбата на 36-м участке. Это стало началом внедрения звукового кино. Клуб носил имя Пролетарского батальона, состоявшего из рабочих Старых Промыслов и оборонявшего город в Гражданскую войну, осенью 1918 года.

Недалеко от этой буровой была управляющая контора, где работникам выдавали зарплату. Отец тогда получал 35 рублей. День полочки был для рабочих особенным, люди дружно собирались у конторы. Но еще дружней у конторы появлялись лоточки с конфетами, леденцами, петушками, свистульками... Копейка была в цене, за полкопейки можно было купить большую, красиво украшенную конфету.

Мамина сестра Татьяна вышла замуж за военного, младшего политрука по имени Павел, который служил в грозненском территориальном батальоне. Подразделения батальона базировались в разных районах города, расположение их периодически менялось. В 1931–1933 годы батальон располагался в Солёной балке, поблизости от городка Иванова. Дети из Солёной балки, поселка Катаяма ходили в школу городка Иванова. Жил дядя Павлик у нас в городке, общались

мы с ним часто. Нередко он бывал в командировках, а после возвращения рассказывал моим родителям, где он бывал и что видел. Мне тоже было интересно слушать его. Совместно с ОГПУ и милицией в батальоне создавались группы, которые под видом строителей, заготовителей леса и других бригад обосновывались в горских аулах, выявляли и уничтожали банды, охраняли от бандитов крестьян во время уборки урожая.

К 1933 году последних бандитов в горах уничтожило само чеченское население. Крупные бандиты, князья, так называемые «уважаемые люди», недовольные советской властью, покинули страну, оставив негласных хранителей своего имущества. Эти хранители большой активности против советской власти не проявляли. Чеченцы и ингуши стали чаще селиться в городе и на промыслах, шли работать в промышленное производство. Жили мирно, по-соседски с уважением относились друг к другу. Мы, мальчишки, да и взрослые, знакомились с местными законами, обычаями жизни горцев, и всегда учитывали это. Если хочешь с чеченцем жить мирно, то относись к нему уважительно, особенно к старшему поколению. Старики относились к нам, русским, или «урусам», по старым настроениям, не совсем дружелюбно, скорее сдержанно, но и здесь, при уважительном отношении к ним, ответное отношение даже к нам, мальчишкам, было скорее уважительным. Конечно, были хулиганы и среди чеченцев, но так же, как и среди русских и других национальностей.

В те времена на Старых Промыслах процветала преступность – хулиганство, нередко были грабежи, убийства, насилие. Особенно этим отличались на Старом Поселке. Впоследствии усилия властей по искоренению преступности заметно возросли; если, к примеру, задерживали человека и обнаруживали у него финский нож, наказывали его очень строго. К милиции относились с уважением, нарушители порядка побаивались ее. В центре городка Иванова была стройка большого здания. У этой стройки в разных закоулках собирались иногда преступники и устраивали разборки, которые частенько заканчивались поножовщиной. Мы, мальчишки, иногда издалека наблюдали за всем происходящим. Както одна разборка дошла до кульминации, в воздухе замелькали ножи, и вдруг раздался пронзительный свист. Ножи моментально исчезли по карманам. Появился участковый милиционер, осмотрел окружающих, не обнаружил ничего подозрительного и удалился. Через несколько минут конфликт возобновился, но прозвучал свист другого характера, и все дерущиеся мигом разбежались. Появился красноармеец с винтовкой, быстро прошел мимо. Это был какой-то вестовой, проходивший в направлении Соленой балки, где стоял батальон. Мы, мальчишки, с удивлением сделали для себя вывод, что красноармейцы защищают население от бандитов, жуликов и воров более строго и эффективно, чем милиция.

1932 год на Кавказе выдался очень жаркий. В тени тем-

пература воздуха доходила до 50 градусов, было много случаев солнечных ударов со смертельным исходом. Это сильно беспокоило население. За все лето дождя не было ни разу. Выйдешь в поле, посмотришь на посевы, и страх берет – на земле от засухи трещины по 10 сантиметров шириной, на квадратный метр приходится 3–5 чахлых колосков пшеницы. В этих колосках есть все – стебель, листья, зернышки, но размеры таковы, будто какой-то злой волшебник превратил льва в мышонка...

Мы в такую жару постоянно крутились возле водоемов, где бы можно было искупаться. Как-то пошли мы компанией купаться на один из прудов в районе Катаямы. Переходя железную дорогу, я посмотрел на рельсы, и заметил вдалеке, что они очень кривые. С несколькими ребятами мы подошли к этому месту ближе и увидели, что рельсы со шпалами вывернулись в сторону метра на полтора от оси насыпи. Скоро здесь должен был проходить поезд. Что есть духу побежали мы на станцию Катаяма к стрелочнику, который вначале нас обругал, что его беспокоим, но потом, поверив нам и прихватив сигнальные флажки, поспешил к месту аварии. Поезд остановили, аварию ликвидировали. Еще не было случая, чтобы рельсы искривлялись от жары так сильно!

Однажды друзья соблазнили меня пойти собирать стреляные пули и гильзы за городом в Соленой балке. В этом районе был пустырь, который использовался под полигон и стрельбище грозненского батальона. Увлечшись розыском

пуль, которые попадались самых разных видов, мы уходили все дальше в степь, не обращая внимания на солнцепек. Вдруг нас окружили красноармейцы. Как оказалось, незаметно для себя мы забрели в опасную зону. Нас задержали и повели в город, в расположение батальона. Осмелев, мы хотели попроситься посмотреть, как живут красноармейцы, но не вышло. Нас отругали, предупредили о недопустимости прогулок по полигону и отпустили. Пришли мы на станцию, чтобы уехать на Старые Промыслы, но поезд должен был прийти только вечером. Ждать мы не стали и пошли пешком вдоль железной дороги. Как мы добрались до дому, преодолев такую жару без неприятностей, – было удивительно, к моменту нашего появления дома родители уже были в панике. После войны на месте полигона появились нефтяные вышки, и вырос большой населенный пункт Ташкала.

В 1931–1932 годах на летние каникулы мы ездили к мамину дяде на хутор Новопокровский под Хасавюртом, где жили многие родственники. Все они вели крестьянское хозяйство, жили хорошо, имели земельные наделы, своих лошадей и инвентарь для обработки земли. Меня, хотя я и был старшим из детей, приехавших на хутор, не допускали к большим работам, особенно об этом беспокоился дедушка Роман, у которого наша семья остановилась. Но мне очень хотелось все попробовать, поучаствовать во всех деревенских работах – и на лошади поездить без седла, первое время с непривычки натирая заднее место до крови, и собирать

вишни (у дедушки Романа был большой вишневый сад), чтобы продать на базаре, и на жатках-лобогрейках убирать хлеб в поле, а потом молотить его на току. Все же я старался помогать, где мог, и очень окреп морально, какая-то гордость была, что помогал делать дела старшим.

После трудов праведных взрослые садились за стол, пили самогон, чихирь (молодое виноградное вино), иногда говорили о колхозах. Я обычно сидел где-то в стороне, и они на меня не обращали внимания. Меня удивляло, почему в колхозы все должны были сдавать лошадей, коров, мелкую домашнюю живность – гусей, кур. Конечно, отдавать лошадей жалко, лошади отзывчивы на хороший уход, к ним очень привязываешься, но они при работе в колхозе будут на виду у каждого бывшего хозяина. А как же быть с курами, гусями, разве нельзя их развести уже в колхозе? Но взрослые были в своих рассуждениях в целом не против общего хозяйства, тем более, как я тогда понял из разговоров, в колхозы предлагалось объединять только тягловую силу и инвентарь по обработке земли. Я тогда успокоился и подумал, что старшим виднее, и они без меня решат, как им быть.

1932 год заканчивался тяжело. Засуха постигла не только Северный Кавказ, но и Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. На западе Украины весной были дожди, и урожай там кое-какой был, у нас же ничего хорошего не предвиделось. Участились перебои с поставками хлеба, да и качество его ухудшалось на глазах. Продукты, выдаваемые по карточкам, один

за другим стали пропадать из продажи. Хлеба по карточкам выдавали по 800 граммов на рабочего, занятого физическим трудом, и по 400 граммов на каждого члена семьи. Продукты на рынке тоже стали дорожать. У чеченцев мы покупали кукурузную муку блюдечками; бывало, мать сварит жиденькую мамалыгу – вот вроде бы ты и сыт. За счастье было где-нибудь достать макуху – жмых подсолнечника, оставшийся после отжима масла. Принесешь домой, мать разварит этот жмых, и получается хорошая питательная каша.

Отец в это время был бригадиром буровой бригады, которая ездила со Старых Промыслов на Новые Промыслы. Однажды на буровой вышке, на которой работал отец, произошла авария. Техник, в подчинении которого находилось несколько буровых, приказал ликвидировать эту аварию по своей методике. Отец имел гораздо больший практический опыт в работе и не согласился с начальником, зная, что данным способом ликвидировать аварию не удастся, что это приведет к уничтожению буровой вышки, более того, будут выброшены на ветер большие деньги. Впоследствии так и оказалось. Был суд, за невыполнение распоряжений старшего руководства отца уволили с работы. В тяжелый период голода мы лишились хлебных карточек. Примерно через месяц отец устроился на работу в одну из организаций нормировщиком и стал ИТР – инженерно-техническим работником. Раньше отец дома появлялся редко, а сейчас после работы каждый день в одно и то же время был дома. Для нас, детей,

это было большой радостью.

Мы получили новые продуктовые карточки. Хлеба инженерно-техническим работникам давали на 100 граммов меньше, чем рабочим. В кооперативном магазине, где все получали продукты, при покупке хлеба каждый строго смотрел, чтобы его не обвесили. Продавца кооператива все звали дядя Петя. Этот дядя Петя отрезал от булки хлеба причитающиеся фунты и быстро бросал на весы. Весы еще не успевали успокоиться, когда продавец уже сбрасывал хлеб с чашки. Первое время многие имели претензии, подозревая, что он неправильно взвешивает, недовешивает, но при точном перевешивании он всегда обязательно отрезал лишний кусочек от взвешиваемого хлеба. После к дяде Пете никто претензий не предъявлял, а ведь было ему немногим больше 20 лет.

Осенью 1932 года возле нашего дома остановилось на отдых одно из подразделений грозненского батальона. Видно было, что у них проходят какие-то учения. Мы, мальчишки, смотрели на военных с большим восхищением. Завязался разговор, нам было лестно, что с нами разговаривают. Красноармейцы выглядели бодро и мужественно, в то время в армию призывали взрослых парней в возрасте 21 года. Местных среди них никого не было, все были из дальних регионов страны. У красноармейцев был обед сухим пайком, и нас угостили, даже дали каждому по кусочку сахара. Какая была радость! Я принес домой этот сахар, и когда пришел с

работы отец, мы пили чай «вприглядку».

Особенно тяжелые времена настали зимой-весной 1933 года. По всей стране, кроме запада Украины, свирепствовал голод. В газетах и по радио сообщали о высокой смертности среди населения. На западе Украины у сельских жителей начали изымать хлеб, чтобы спасти людей в других регионах от голодной смерти. В наше время много говорят о том, что голод в стране тогда устроили коммунисты во главе со Сталиным, уничтожили кулачество, поэтому хлеба и не стало. Но мало-мальски разумный человек поймет, что кулачество погибло, лишившись батраков, ушедших в колхозы, а кулаки пошли с оружием против советской власти, против колхозников, зверски уничтожая активистов колхозного строя. Беда, постигшая нашу страну, была вызвана лишь засухой, в чем можно убедиться, изучив сводки метеослужбы того времени. Крестьяне не получили урожая даже со своих приусадебных участков.

Весной 1933 года отца вызвали в райком партии Старо-промысловского района и предложили вернуться на работу по своей специальности в нефтяную промышленность. К этому времени бурильщикам прибавили зарплату и ввели кое-какие льготы. Жизнь показала, что специалистами нельзя разбрасываться, надо ими дорожить, обучать и растить им смену.

До 1933 года рабочие и интеллигенция не занимались огородничеством. Жизнь подсказала выход из трудного поло-

жения, и руководство республики начало давать людям земли под огороды на пустующих косогорах и возвышенностях. Каждый хотел иметь огород ближе к дому, так как с транспортом дела тогда обстояли плохо, все приходилось перевозить на своих плечах. Хорошо было тем, кто решил эту проблему, приобретя какую-либо тачку. Мы получили огород между городком Иванова и поселком Бутенко⁶. На выделенном участке нужно было вскопать землю, нужны были семена. Маме и еще нескольким женщинам пришлось устроиться на временную работу в столовую; там они чистили картофель, очистки от которого разрешалось забирать домой. Из этих очистков мама готовила суп, они же использовались для посадки картофеля. Иногда отец приходил с работы прямо на огород, и мама кормила его супом, от которого шел очень аппетитный запах. Несмотря на запах, мой желудок такой суп не принимал. А здесь еще голодный младший братишка орет во все горло! А чем его накормить? Надо как-то отвлечь его от этого желания, и я вызываю его на соревнование, кто быстрее вскопает полоску земли. Отец смотрит на нас, и я замечаю на его глазах слезы. Он хорошо понимал, что я отвлекаю брата, которому нечего дать покушать, от мысли о еде...

Начались летние каникулы. Мои товарищи узнали, что

---

⁶ Бутенко Василий Степанович, заместитель командира грозненского Пролетарского батальона, участник «стодневных боев» за город. Захвачен белыми казаками в плен и расстрелян осенью 1918 г.

колхоз Катаяма на временную сезонную работу берет ребят нашего возраста. Несколько человек собрались пойти туда работать и меня уговорили. Мы отправились в правление колхоза, и нас приняли. Работа наша заключалась в присмотре за лошадьми, мы должны были водить их в поводу при культивации кукурузы и при других работах. Рано утром следующего дня прибыли мы в правление колхоза. Нас распределили по старшим колхозникам, и все двинулись в поле к Терскому хребту. Вначале работалось нормально, но к полудню стало нестерпимо жарко, во рту пересохло, дышать стало тяжело. Воды поблизости нигде не было. У старших колхозников мы узнали, что к часу дня приедет бочка и привезет воду. Некоторые мои друзья начали хныкать, а мне вспомнились слова отца: «Ты, парень, будешь солдатом, учись преодолевать трудности жизни, учись стирать белье, особенно грубую робу. Учись у матери готовить обед, в жизни может очень пригодиться, а если не пригодится, то плохого от этого точно не будет». Казалось, что эти слова отца были прослушаны мной без должного внимания, но сейчас пришли в голову как нельзя вовремя. Без паники! Взрослые с нами в одинаковых условиях, но не хнычут, да и хныканьем делу не поможешь.

Продолжаем работать. Веду коня по борозде между рядами кукурузы, а колхозник идет за культиватором, так производится прополка сорняков и окучивание земель рядов кукурузы. Солнце высоко, во рту уже пересохло так, что ды-

шать тяжело. Один из колхозников сказал, что едет бочка – везет воду. Телега с бочкой была еще далеко, но некоторые мальчишки, бросив все, побежали навстречу. Шум, суматоха. Я решил, что бежать километр навстречу бочке, чтобы получить воду на несколько минут раньше, – это не по мне. Стал смотреть, как ведут себя в этих условиях старшие, они же не первый день в таких условиях! Оказалось, что пить сразу много нельзя. Надо пополоскать, промыть рот водой и не спеша выпить несколько небольших глотков – через некоторое время обязательно придет облегчение. Это сделать трудно, но надо.

Примерно в час дня нас позвали на обед и отдых, а потом до вечера мы снова работали. На следующий день один из моих товарищей не пришел на поле, через день бросили работу еще двое. Остались мы втроем и проработали три недели. О, как же мы были горды, что можем самостоятельно работать, как взрослые! По окончании работ мы окрепли морально и физически. Я принес маме первые заработанные деньги.

На огороде стала появляться первая съедобная зелень, особенно радовала молодая молочная кукуруза, початки которой можно было кушать сырыми. Народ стал оживать, все чаще стал звучать смех, бодрее стали разговоры. Тогда, хотя и жилось экономически тяжело, народ был дружнее, доброжелательнее друг к другу.

В зимнее время в субботу и воскресенье выходили в центр

городка вечерами дети, подростки, взрослые кататься на коньках и санях. Рабочими ребятами были сделаны большие сани из толстых труб, на которые садилось человек по десять за раз, да к ним прицеплялись по несколько человек на коньках, и ехали все вместе с шумом и смехом с горы через городок до самого «пяточка». Весной, когда дружно тает снег и бегут ручьи, на улицах собирались ребяташки и всюду слышались их звонкие, веселые голоса. Кто пускает кораблики, кто строит мельницы, плотины – каждый старается показать свое мастерство.

Зимний клуб у нас был небольшой, тесный, зато деревянная летняя сцена была просторная. На этой сцене показывали кинофильмы. На вечерние сеансы большинство детей не пускали родители, но моя мама относилась к этому спокойно, и мы, несколько ребят, приспособились быть помощниками у киномеханика. Дело в том, что кинофильм привозили из города, и его за один вечер надо было показать на Соленой балке и у нас. Транспорта для быстрой перевозки кинолент не было. На Соленой балке покажут две части кино, один из нас берет эти части и бежит в городок Иванова, где их тут же заправляют в киноаппарат. Очередной гонец ждет, когда зрители посмотрят еще две части, и продолжает бег. За это киномеханик бесплатно пускал нас на вечерние киносеансы, а контролеры не могли нас выгнать. Часто показывали фильм про Гражданскую войну и двух братьев, один из которых был за белых, а другой за красных. Я смотрел ки-

но и страстно желал, чтобы у нас в семье такого никогда не было. Я буду защищать младшего братишку Владика, и мы с ним будем жить дружно! Большой популярностью у зрителей пользовались фильмы с участием Игоря Ильинского и другие комедийные ленты.

В начале 1934 года отца назначили старшим буровым мастером всего Старопромысловского района, в нашей квартире поставили телефон, что было в то время большой редкостью. В любое время суток отцу могло понадобиться выехать на любой участок, но с автотранспортом в то время было тяжело. В итоге за отцом была закреплена верховая лошадь, которая содержалась на конюшне.

В конце мая 1933 года появился в небе самолет, пролетел над нашим городком и сел на Катаяме на узкой полосе между шоссе и железной дорогами. Много народу из Солёной балки и городка Иванова наперегонки побежали к месту посадки, побежал и я. О, какое волшебное зрелище предстало перед моими глазами – птица, на которой можно летать! С трепетом я осматривал самолет. Очень хотелось до него дотронуться, но какой-то стоящий возле крыла человек никого не подпускал близко. Через некоторое время пришел другой человек, в легком комбинезоне, шлеме с большими очками, сел в переднюю кабину. Прозвучали команды «от винта», «контакт», чихнув, запустился мотор, первый человек забрался в заднюю кабину, и самолет улетел. Да уж, видно, таких, как я, никогда не допустят к самолету! Но, почесав

затылок, я подумал – посмотрим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.